

18+

Светлана Фетисова

МЕРТВАЯ ЗВЕЗДА

Светлана Фетисова

Мертвая звезда

«Издательские решения»

Фетисова С.

Мертвая звезда / С. Фетисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515944-1

В своей квартире при загадочных обстоятельствах убита известная актриса. У следствия слишком мало улик и много подозреваемых. В помощь официальному расследованию продюсер нанимает молодого детектива, к которому присоединяется весьма проницательная консьержка. Мотивы преступника неясны, его связь с жертвой не установлена, но он совсем близко...

ISBN 978-5-00-515944-1

© Фетисова С.
© Издательские решения

Содержание

2	9
3	13
4	16
5	19
6	23
7	27
8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мертвая звезда

Светлана Фетисова

Корректор Нина Ювенальевна Алексеева
Обложка Светлана Юрьевна Горпинченко

© Светлана Фетисова, 2026

ISBN 978-5-0051-5944-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тихая сонная улочка вздрогнула от грозного рычания, это молнией промчался лаймово-оранжевый «камаро», напугал молодую мамашу с коляской и вызвал бурю восторга у кучки дорожных рабочих в желтых жилетах. Лихо подрулив к высотному жилому дому, автомобиль дернулся и затих. Оранжевое пламя перламутра прокатилось волной по двери при открывании, выпуская наружу упитанную фигуру в дорогом пальто. Молодой мужчина очень торопился, и эта спешка создавала хаос вокруг него: то ключи упадут в лужу, то закрывшаяся дверь прихлопнет полу пальто, но, невзирая на все препятствия, он преодолел десяток метров до подъезда.

Подходящая рифма к слову «нужно» никак не подбиралась, в голове крутились всякие дурацкие слова, типа «натужно» и «окружно», когда прозвучал вызов домофона. Консьержка включила микрофон и услышала поток неразборчивой, сбивчивой речи, который перемежался именем Марта как заклинанием. Значит, кто-то из своих, догадалась она. Поначалу консьержка не узнала пришедшего – лицо в пятнах лихорадочного румянца было напряжено, и куда девалась былая вальяжность и заносчивость?

– Вы меня помните?

– Ну, конечно, я вас знаю, а в чем дело? Почему Цветана сама вам не открыла? Она должна быть дома.

– Вот именно. Я звоню, пишу... – от волнения речь мужчины была рваной, – а у нас сегодня съемка.

– Она никуда не выходила, – недоуменно пожала плечами консьержка. – Позавчера вечером вернулась с охапкой цветов и со смехом сказала мне: «Сутки буду спать, никого, даже черта, ко мне не пускайте». Но никто и не приходил.

– Я сам ей это посоветовал, – с раздражением проговорил визитер, – но ведь она должна была проснуться и выйти на связь.

– Ничем не могу вам помочь. Поднимитесь, позвоните в дверь, возможно, она забыла включить телефон.

Мужчина хотел что-то сказать, но передумал, его фигура, направившаяся к лифту, выглядела понуро, словно он нес невидимый тяжелый груз на своих плечах.

«Ох уж эти представители богемы, то порхают и сверкают идеальными улыбками, то впадают в уныние при малейших трудностях», – подумала консьержка, глядя вслед удаляющемуся продюсеру. То, что он продюсер, она знала от самой актрисы со странным экзотическим именем Цветана.

Тело затекло от долгого сидения, и надо было немного разогнать кровь, тогда и голова будет работать лучше. Покидать свою каморку Марта не имела права, кругом были камеры наблюдения, зато внутри могла перемещаться хоть по потолку. Она сделала несколько простых

упражнений, сесть – встать – руки вверх – вниз, сразу полегчало – холодные конечности приобрели температуру живого организма.

В крепком теле женщины, перешагнувшей сорокалетний рубеж, еще теплилась надежда на счастье, еще не была утрачена природная привлекательность, однако душа ее томилась в ледяном плену былых страданий, и именно это делало ее незаметной для мужчин, даже на таком проходном месте, как многоквартирный подъезд. Многие жильцы не узнавали ее на улице, для них она была лишь частью своей каморки. Да, они по нескольку раз в день говорили: доброе утро, Марта, это я, сегодня ко мне придет курьер, добрый вечер, спокойной ночи, Марта, но стоило ей выйти из подъезда, и она сразу становилась невидимкой, ее не замечали.

Это обстоятельство без сомнения огорчало ее, но она утешала себя тем, что она станет знаменитой поэтессой, прославится, и все без исключения будут мечтать о ее автографе, и будут гордиться знакомством с ней, а ее биографы потом напишут: ее талант открылся внезапно, прямо на рабочем месте. Поэзия это было ее последнее увлечение, после вязания спицами и крючком, разгадывания ребусов, садоводства на балконе, папье-маше, лепки, декупажа и еще десятка весьма затратных хобби, на которые уходила вся ее небольшая зарплата. Поэтому она и приняла волевое решение, что ручка и бумага – это тот максимум, который она может себе позволить. Если не пойдут стихи, есть еще проза, но останавливаться она не собиралась, ее неумная натура рвалась на творческие просторы, все семь лет с началом новой жизни. Перелом случился после бездарного развода и ухода со старой доброй работы в конструкторском бюро – там работал ее бывший муж, а смотреть на его довольное лицо совсем не хотелось. Да, пришлось поскитаться, помыкаться, в какой-то момент она даже порывалась вернуться, но бюро закрыли, народ разбежался. И вот она здесь, в каморке полтора на метр двадцать уже восемь месяцев. Сначала было унижительно как-то, а теперь привыкла, жильцов всех шестнадцати этажей знала не только в лицо, со многими была в хороших, почти дружеских отношениях.

Лифт открылся и выскочил больше прежнего взволнованный продюсер.

– Ее нет дома! Что делать?.. Нас ждут на телевидении! Где ее искать?

Марта пожалала плечами, ему лучше знать, где искать свою подопечную, но она могла поклясться, что при ней, то есть с 9 до 21 часа Цветана не выходила из дома.

– Вы даже не представляете, Марта, как с ними трудно! – интонация продюсера изменилась, он пытался вызвать сочувствие у собеседницы. – С артистами, хуже, чем с детьми.

Марта наконец вспомнила его фамилию – Звездунов, очень подходящая для продюсера, если, конечно, это не псевдоним.

– Может, вам чаю предложить? У меня как раз горячий... с имбирем.

– Если не трудно, спасибо.

По сути дела, чай был только предлогом, человек в тупиковой ситуации нуждается в передышке, чтобы иметь возможность поменять стратегию, тактику и направление усилий.

– Меня, Марта, знаете, что пугает? Вот как раз позавчера, после окончания съемок, я дал Цветане швейцарское снотворное, чтобы она выспалась. В связи с этим дурные мысли лезут в голову...

– Тьфу-тьфу-тьфу, да ну вас, все будет хорошо. Угощайтесь халвой, свежая, рассыпчатая.

– Спасибо, обожаю... О, действительно, свежайшая... Мне это так необходимо...

А на студии нас ждут... Я даже выключил телефон... у меня сердце пошаливает...

По тому, как продюсер старался быть тошнотворно милым с ней, Марта определила, что ему что-то нужно от нее. Он явно не договаривал каждую фразу, в конце каждого предложения вместо точки интонационно звучало многоточие. Чего-чего, а времени у нее было навалом, вагон и маленькая тележка, стрелка часов только нацелилась на полдень, целый день впереди, поэтому она ни о чем не спрашивала, выжидала, что Звездунов созреет сам, без посторонней помощи.

– Знаете, Игорь, не помню вашего отчества...

– Просто Игорь. Мы ведь, наверное, ровесники.

Марта сделала вид, что не заметила этого откровенного подхалимажа, хотя, когда Звездунов появился на свет, она уже ходила в школу, правда, ему об этом знать было не обязательно.

– Не будем о возрасте. Я что хотела сказать, мой дом – напротив, окна выходят как раз на этот подъезд, это бесспорно преимущество – жить так близко от рабочего места. Раньше мне не так везло с этим, ездила через весь город на работу, – Марта перешла на интонацию былинного сказителя, сознательно тянула как могла, продюсер заерзал. – Так вот, я часто вижу, как поздно Цветана возвращается домой со съемок, иногда глубокой ночью. А утром выходит свежая и сияющая, глазки блестят, на экране тоже выглядит, как бутон розы. Как ей это удастся? Или это просто молодость? Может, секрет какой? Лекарства, кремы? Я вот слышала, некоторые актеры...

– Послушайте, Марта, буду с вами честен, – терпения выслушивать домыслы консьержки у Звездунова не хватило, поэтому он перешел непосредственно к делу. – У меня есть ключ от квартиры Цветаны, она сама дала. Может, вместе сходим, посмотрим? Я весь как на адской раскаленной сковородке.

– А почему вы сами этого не сделали?

На этот вопрос у продюсера ответа не было, поэтому он пожал плечами, растеряв остатки своей важности, и превратился в потрепанного жизнью подростка. Вот попроси он пойти на должностное преступление раньше, когда, здороваясь, он смотрел в другую сторону, когда «здравствуйте, Марта» звучало как «привет, Сири», никогда. А теперь, когда они стали «ровесниками» и ели с одной тарелки, это стало возможным.

Камера была направлена на площадку перед лифтами и захватывала часть будки и угол коридора, поэтому, пока Звездунов вызывал лифт, Марта выскользнула из своей каморки и по стеночке добралась до черной лестницы, поднялась на второй этаж, откуда они уже вместе отправились дальше, на одиннадцатый этаж.

– Вы, правда, не открывали дверь?

– Клянусь. Хотел, но не смог. Если вдруг дверь заперта на засов, сразу вызываем МЧС.

– Ну, чего вы ждете? Так и будете стоять? Меня могут хватиться, и я останусь без работы. Звездунов решительно вставил ключ в замочную скважину, но с каждым поворотом ключа его решимость таяла.

– Марта, пожалуйста, включите камеру на телефоне и снимайте.

– Зачем? – насторожилась консьержка.

– На всякий случай.

Дверь открылась, но Игорь мялся на пороге, не решаясь сделать первый шаг.

– Светик, это я. Ау-у!

Никто не отозвался, в квартире царил полумрак, плотные шторы на окнах блокировали дневной свет. Откуда-то справа доносилось неясное бормотание и пробивался тусклый свет.

– Там кухня и ванная комната.

По мере приближения к источнику звука стало понятно, что это телевизор. Дверь в ванную комнату была открыта, там горел свет, продюсер остановился на пороге, торопливо перекрестился и шагнул внутрь. Марта старалась не отставать, но на входе чуть помедлила, невольно залюбовалась красотой этого помещения, необузданные узоры испанской плитки были охлаждены строгостью и аскетичностью сантехники и осветительных приборов, все было в равновесии, лед и пламя! Изящной формы ванна была частично заполнена водой и в ней плавали позавчерашние розы, которые Марта видела в руках у актрисы. Или вернее то, что от них осталось. Огромный букет был расчленен на составляющие, отдельно лепестки, листья, стебли, похоже на гигантскую супницу с крошкой.

Кухня выглядела вполне мирно, в мойке стояла гейзерная кофеварка со следами кофе на носике, в углу работал небольшой телевизор, показывающий телеканал про животных. Звездунцов потянулся, чтобы выключить его.

– Не надо ничего трогать, Игорь.

Он не задал никаких вопросов, а только горько вздохнул и направился в темную гостиную, где на журнальном столике обнаружили остатки небольшой пирушки, бутылки с алкоголем, два бокала, ваза с фруктами, одна пустая чашка с кофейной гущей, несколько тарелок с закусками. Они не сразу заметили в кресле фигуру, потому что это был самый темный угол комнаты и волосы закрывали лицо.

– Эй.

Фигура не отреагировала на фамильярное обращение продюсера.

– Марта, я совершенно не понимаю, что мне делать, – растерянность сквозила в голосе Звездунцова. – Наверное, надо раздвинуть шторы, чтобы понять, кто перед нами.

– Это не Цветана, – попыталась успокоить его Марта.

– Вот именно.

У артистки были роскошные волосы цвета благородной меди, на уход за которыми она тратила огромные деньги, а у безымянной фигуры шевелюра была светлее и короче.

– Прежде чем мы вызовем полицию или «скорую», нам надо понять, что актуальнее. Правильно?

Ничего нельзя трогать, но убедиться, что человек жив, надо. Марта включила фонарик на телефоне, и стало видно, что в кресле все-таки находится женщина, но блондинка. Звездунцов набрался храбрости и толкнул сидящую фигуру вглубь к спинке кресла. Голова запрокинулась, застывшая маска смерти открылась их взору. Марта, не выдержав ужасного зрелища, выронила телефон. Продюсер включил свой фонарик и направил на мертвое лицо, оно было жутким: закатившиеся мутные глаза, но широко открытые, потому что верхние веки были приклеены лейкопластырем ко лбу; кривой рот открыт в беззвучном призыве. На женщине был кое-как надет ярко белый парик, и все-таки это была Цветана Алмазова. На этом страшном открытии рука продюсера дрогнула, и он тоже уронил телефон.

2

Девять безумных часов были позади, наполненные ужасом, хаосом, бесконечными вопросами, отчуждением и подозрениями окружающих. Вся эта свистопляска завершилась совсем недавно приездом съемочной группы телевизионщиков. Марте с большим трудом удалось выпроводить этих стервятников из подъезда и отбить у них измученного Звездунова, но они еще полчаса снимали окна, двери, брали интервью у зазевавшихся прохожих. Председатель ТСЖ под угрозой увольнения запретил Марте отвечать на любые вопросы и пускать представителей средств массовой информации внутрь.

При попытке уехать продюсера снова окружили телевизионщики, притаившиеся в машинах, и ему пришлось отступить, скрыться в подъезде. Собиравшаяся домой Марта предложила ему попить чаю у нее дома, благо от подъезда до подъезда было рукой подать.

Пять капель коньяка чаю с чабрецом не помеха, и вкуса не испортят, и душу растревоженную успокоят. Продюсер сначала пытался сопротивляться: я за рулем, я за рулем, а потом махнул рукой.

– Игорь, я могу вас покормить, яичницу сделать или супу подогреть, ведь после утреннего кусочка халвы, у вас маковой росинки не было во рту. Хотите?

– Нет, спасибо, Марта. Даже не представляю себе, как бы я справился сегодня без вашей помощи. Я по гроб жизни ваш должник.

– Ну, что вы, это всего лишь стечение трагических обстоятельств. Если бы вы шли по улице, а впереди вас незнакомый человек стал падать, неужели вы не поддержали бы его?

– Наверное. Как вы думаете, они когда-нибудь отстанут?

– Вы же сами знаете, сейчас это сенсация, и они готовы горло друг другу перегрызть за эксклюзив, а пройдет три-пять дней, и все забудут о вашем существовании.

– Сик транзит gloria мунди – так проходит земная слава.

– Да уж. Прославляться нужно талантом, трудом, а не искать падаль, – Марта вовремя спохватилась, поняв, что это звучит двусмысленно. – Простите, Игорь, я имела в виду гнилые новости. А журналисты, они как мухи, где дерьмо свеженькое упало, там и они.

– Я привык их использовать в своих целях, но никогда еще не приходилось быть объектом охоты. Это неприятно. Ты как голый.

– Вот теперь вы понимаете, что как бы вы с ними не заигрывали и не пытались их купить, если вы оступитесь, они вас сожрут. Будьте осторожнее.

– Теперь только дистанция, – в голосе продюсера звучала решимость, – буду держаться от них подальше.

– Игорь, а у Цветаны были враги? Я спрашиваю потому, что она была всегда такая приветливая, улыбчивая, сложно представить, что у такого человека могут быть недруги.

– Явных не было... боже, я сегодня столько раз это произносил...

– Простите.

– Раз я сегодня еду на такси... Марта, вам не жалко двадцать грамм коньяку без чая?

– Ну, конечно же. У меня и лимончик имеется, одну минуточку.

– Я обязательно пополню ваши запасы, обещаю.

Марта отмахнулась, мол, скажете тоже, и отправилась на поиски подходящих рюмок. А Игорь осмотрелся по сторонам этой неказистой, без лоска, квартиры, но обладающей особым притяжением домашнего очага и согревающей своим теплом лучше пушистого пледа. Она напомнила ему очень похожую мамину квартиру, в таком же кирпичном доме, с геранями на окнах, только находящуюся в Нижнем Новгороде, где он уже не был восемь лет – все дела, дела.

Крошечные ликерные рюмочки искрились гранями хрусталя, их забвение закончилось – наконец-то вспомнили и о них.

– Игорь, а почему вы не отдали полиции видео, которое я отсняла?

– Может быть, потом – они и сами все видели. А нам оно точно пригодится: я договорился о сотрудничестве со следствием частного детектива, которого я нанял.

– Ого, когда вы успели?

– По телефону. Мне его порекомендовал наш общий с Цветаной знакомый.

– Это правда, что ее настоящее имя Светлана?

– Да, и фамилия ее Денисова, а Алмазова она только в титрах, этот псевдоним – наше совместное творчество. Мы когда-то работали на одном сериале вместе, она играла небольшую роль, а я был парнем с микрофоном. Это было двенадцать... нет, четырнадцать, вроде... она лучше помнила даты, сказала бы точно: столько-то лет, столько-то месяцев и столько-то дней. Теперь никто не подскажет, сколько точно прошло времени. Давайте, Марта, за нее выпьем.

Выпили не чокаясь.

– Игорь, извините за мое любопытство, а сколько ей было лет? Она очень хорошо выглядела, но не была юной...

– Тридцать семь исполнилось два месяца назад... могла бы жить и жить... наливайте.

– Да, слишком молодая для преждевременной смерти. А родня у нее есть какая-нибудь?

– Она всегда говорила, что у нее никого нет, а правда ли это, не знаю. При всей ее внешней открытости она никого не пускала к себе в душу. Знаю только, что родом она со Ставрополя, а что почему, нет.

Опять молча выпили, каждый думал о своем. Звездунов – о том, что его главная звезда закатилась и его ждут тяжелые времена, а Марта о том, что молодая женщина с огромным букетом, которая, смеясь, стояла перед глазами, не подозревала о своем близком и страшном конце. Мысли спугнул звонок в дверь, на часах было уже 22:37, кто бы это мог быть? Марта приготовилась дать отпор непрошеным гостям. Личность, стоящая за дверью, хозяйке не была знакома, поэтому она грозно спросила через дверь: «Кто там?» Ответ был: «Свои».

– Свои по домам сидят, чай пьют, а не шастают по гостям.

Чтобы не тревожить соседей громким разговором, Марта все-таки открыла дверь.

– Молодой человек, вы, наверное, дверью ошиблись.

– Нет, вы Марта?

Сказать, что она была удивлена, недостаточно – она была поражена, так как была уверена на сто процентов, что этого парня она никогда до этого не видела, иначе бы точно запомнила. Внешность у него была выдающаяся, прическа напоминала макушку ананаса, сваленные колбаски из волос торчали во все стороны. В мочках ушей просвечивали большие дырки, со вставленными в них черными цилиндрами-тоннелями. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы в войну не играло, подумала Марта. В принципе, парень был слишком смазливый для мужчины, ресницы веером, бровки домиком, губки бантиком, видимо, дредами пытался придать своей внешности оригинальности, а то пупсик-пупсиком.

– Я что-то не припомню таких «своих».

– А я новый свой, – самоуверенно заявил парень. – Игорь у вас?

– Какой такой Игорь? – с подозрением произнесла Марта.

– Звездунов. Передайте ему, что пришел Гафер.

– Это что, пароль? Минутку.

Нахальства захлопнуть дверь перед носом незнакомого человека не хватило, но Марта прикрыла ее, надеясь на порядочность гостя, и напрасно.

– Игорь, тут за дверью парень какой-то странный, говорит «свой».

– Здравствуйтесь.

Парень, ничтоже сумняшеся, успел скинуть куртку и огромные ботинки и стоял в носках в дверном проеме.

– Я Гафер, меня Борисыч прислал.

– Ого, как же ты нас нашел?

– Это было не сложно.

Парень уверенно протопал на кухню и приземлился на стул.

– Впечатляет. Марта, знакомьтесь, это частный детектив.

– Какое у вас странное имя – Гафер, никогда не слышала.

– Это не имя – прозвище. А зовут меня Павел.

– Очень приятно, Павел, я сейчас тапочки принесу.

– Не беспокойтесь, я закаленный.

– Ага, конечно, закаленный, – сомнение звучало в словах Марты, – в таких огромных ботинках и все равно лихорадка на губе.

– А вы наблюдательны.

– Я привыкла, что люди совсем не те, кем хотят казаться, – от похвалы Марта растаяла и пустилась философствовать. – В наше время нет единства формы и содержания, дорогая шуба часто покрывает нищету духа, а красивые слова маскируют убогость мышления. Ничему нельзя верить. Вот и сегодня, та, которую все называли громким именем Цветана Алмазова, оказалась простой Светланой Денисовой, а парень-ананас – одновременно и Гафер, и Павел. Чудеса.

– Глубокие мысли. Мне может понадобится ваша помощь, поможете?

– Паш, можешь не сомневаться, будешь падать, она тебя удержит. Еще чаем напоит. Да, Марта? Предложим гостю рюмочку?

– Ну, конечно, и тапочки.

Засиделись допоздна. Паша несколько раз смотрел снятое видео, задавал вопросы, Марта с продюсером отвечали, но не смогли себя заставить даже вскользь взглянуть на экран – слишком свежа была травма. Молодой мужской организм, не подавленный шоком, очень быстро проголодался, домашняя еда, приготовленная с расчетом на одну женщину, быстро кончилась под натиском двух крепких мужчин, поэтому заказали две пиццы, которые почти целиком уничтожил Гафер. Игорь то и дело проваливался в сон, сказывался стресс, поэтому Марте пришлось самой отвечать на вопросы детектива, он делал какие-то заметки прямо в телефоне.

Выяснилось, что пострадавшая приехала в столицу шестнадцать лет назад, но вот откуда, доподлинно известно не было. Здесь она прошла огонь, воду и медные трубы, успела побывать замужем, но не долго, менее года. Жизнь ее трудно было назвать легкой и безмятежной, вся слава, которая свалилась на нее после одной удачной роли в сериале «Судьба провинциалки», досталась ей тяжелым трудом и многочисленными унижениями. Как утверждал Игорь, у Цветаны не было подруг и близких друзей – лишь поклонники ее таланта. Но информация, предоставленная им, была достоверна только за последние четырнадцать лет – события, которым он сам был свидетелем, остальное было известно лишь со слов самой артистки, а значит, вилами по воде писано.

– Марта, вы как женщина могли бы так надругаться над розами? Интересно, зачем их утопили в воде, может, символ какой-то.

– Я как женщина никогда не испытывала неприязни к цветам, или даже ненависти, о чем свидетельствует эта расчлененка. А вот на второй вопрос я знаю ответ: розы не утопили, а замочили, я сама так делаю, чтобы они пришли в себя, если подвяли. На ночь положил в воду – утром свеженькие, будто только срезали.

Хозяйка стеснялась сказать гостям, что очень устала и через пять часов вставать на работу, Игорь уже откровенно дрых, положив голову на подлокотник кресла, и только юный

детектив был бодр и свеж, охваченный азартом расследования. Марта подошла к окну, в темном дворе царило сонное умиротворение, ни одной живой души.

– Похоже, репортеры уехали или попрятались. Паша, вы можете Игорю добраться до дома без приключений?

Совершенно неожиданно для себя парень понял, что на дворе глубокая ночь и всем хочется покоя.

– Конечно, я позабочусь, – он засобирался, – действительно, пора, завтра ведь тоже будет день.

– Скорее, уже сегодня.

– Да, извините... Марта, у меня к вам огромная просьба.

– Если смогу, помогу.

– Хороший девиз. Пока Игорь меня не слышит, признаюсь, – по-свойски сказал Павел, – это мое второе дело, я только недавно купил лицензию. И очень боюсь провалить его.

– Понятно, – улыбнулась Марта.

– Да, я новичок, раньше работал осветителем, оттуда и прозвище. И ещё, перед уходом хочу попросить вас оказывать мне посильную помощь – у вас ведь такой бесценный житейский опыт и мудрость.

– Попытаюсь.

3

На съемочных площадках обычно кормили комплексными обедами под названием «кинокорм», а в столовой Гафер был впервые. В кафе, барах, клубах и ресторанах – много раз, в столовой – никогда.

– Ни фиги себе у вас цены!

– А что такое? Дорого для тебя? – Алексей удивленно посмотрел на нового знакомого.

– Дорого?! Салат 50 рублей! Никогда таких цен не видел. А трудно к вам на работу поступить?

– У тебя нет шансов, брателло. Скажи спасибо, что тебя с такой прической в столовую пустили, у нас с этим строго.

– Спасибо. Хоть поем задаром.

Два молодых организма набрали по пять блюд, не считая напитков.

– Леш, у вас здесь нет вай-фая? Что-то у меня совсем интернет не тянет.

– Извини, ограниченный доступ, только для работы. Ты о чем хотел поговорить?

Алексей Пузырев, симпатичный молодой парень, совсем был не похож на полицейского, а его начальник вызывал у Паши ужас.

– Поговори с босом, мне позарез нужна ваша дружба. А я тебя на съемки свожу.

– Слушай, это вряд ли получится, он и слышать о тебе не хочет.

– Я ведь готов делиться информацией, на взаимовыгодных условиях, я – вам, вы – мне.

– Ты с ума сошел, это подсудное дело. Да и потом, что ты можешь нам сообщить того, что мы сами не знаем?

– Поверь, дружище, наши вам ничего лишнего не скажут, а мне скажут. Меняю ценные сплетни на крошки с вашего стола. А я тебе... все, что хочешь.

– У меня вроде все есть, что мне надо. Вот если бы ты что-нибудь ценное нарыл и передал нам, тогда я бы смог поговорить с Петровичем о нашем сотрудничестве.

– М-м... мне кажется, у меня есть кое-что интересное для вас.

– Уже? И что же?

– Я сейчас не могу сказать, мне надо посоветоваться с...

– С работодателем?

– Не, с единомышленниками.

– А что это? Зацепка, улика?

– Пока не могу сказать.

– Ну как знаешь, все равно решать, стоит или нет с вами сотрудничать, будет Петрович.

А ему угодить не просто.

– Не сомневаюсь, я видел его всего тридцать секунд, но впечатлений...

– Не говори про моего шефа ничего плохого, не потерплю.

– И не думал. Мое предложение про съемки остается в силе, если хочешь. Мои друзья сейчас снимают в Твери криминальный сериал, тебе будет интересно, – Павел старался говорить просто, как бы между прочим, чтобы не напугать Алексея своим напором. – Трюки разные, стрельба. Кстати, можно предложить твоему шефу выступить консультантом – это интересно, и деньги неплохие.

– Паш, ты не обижайся, кино – это интересно, но ты зря тратишь свои силы на меня. Я тут мальчик на побегушках, пойди, принеси, узнай, от меня ничего не зависит. Могу познакомить тебя с кем-нибудь повлиятельней. Сейчас...

Алексей огляделся вокруг, в небольшом помещении столовой было всего несколько человек.

– Леха, ты говоришь глупости. Мы с тобой ровесники, с тобой мне проще. Слушай, мое приглашение тебя ни к чему не обязывает. Правда-правда, я не буду тебя шантажировать этим, клянусь. У тебя есть машина?

– У отца есть, он у меня полковник. Но идея поездки ему вряд ли понравится. Он очень не любит всех, кто имеет отношение к творчеству, называет их «тварюги». Говорит, гнилые они.

– Как хочешь. Я бы тебя с каскадерами познакомил, с актерами, там крутые мужики играют. Но насильно мил не будешь, как любила говорить моя тетка. Ты, знаешь, Леха, цены у вас конечно низкие, а еда дрянь. У нас кинокорм и то лучше. А вот это... вообще не съедобно.

– А я привык, мне зашло.

– Мы однажды снимали в военной части...

Каждый киношник имеет в своем арсенале курьезные истории и байки, начинающиеся со слов «однажды мы снимали», в них немного правды, но много юмора и выдумки. Самые виртуозные рассказчики превращали эти анекдотические ситуации в шедевры разговорного жанра, добавляя в них свои изюминки. Паша рассказывать умел, он очень достоверно изображал действующих лиц, их интонации и даже выражения их физиономий. Он очень старался, ему хотелось, чтобы помощник следователя не заподозрил его в заигрывании со следствием.

Алексей смотрел на этого парня с ананасом на голове и понимал, что они живут в совершенно разных мирах, где люди и их поступки оцениваются в разных системах координат. Он вырос в семье военного и всю свою жизнь соблюдал правила, а Паша считал заслугой нарушение каких-либо границ и запретов. Алексей уважал отца и стремился быть похожим на него, а для его собеседника, судя по рассказу, «пердуны» не являлись авторитетом. Невзирая на разность их базисных установок, все-таки что-то их притягивало, и это было взаимно.

– ... и с тех пор мы друзья. Правда, видимся редко, я ведь теперь не гафер, а детектив. У меня и лицензия есть.

Пашу совершенно обескуражило, что Алексей даже не улыбнулся ни разу, так глубоко ушел в себя. Похоже, не зацепил парня рассказ. Теперь придется оформлять официальные запросы на получение нужной информации.

– А с актрисами можешь познакомить? – неожиданно выпалил Алексей.

– Конечно могу, – обрадовался Паша, – с любой или какой-то конкретной?

– С Полиной Уткиной.

– Попробовать можно, – авторитетно заявил Гафер. – Я с ней лично не знаком, не приходилось встречаться. Но могу узнать. Тебе номера телефона будет достаточно или лучше лично представить?

– Сможешь? – лицо помощника следователя посветлело. – Лучше лично, конечно. Хотя, нет, давай телефон. Когда наберешь мужества, позвоню сам.

– Ну, ты мужик. Уважаю.

– Пока не за что. У меня намеренья всегда правильные, но вот когда доходит до дела...

– А у меня и на правильные намеренья мужества не хватает. Живу как растение, тепло – расцветаю, холодно – терплю. Воли у меня нет, бесхребетный я.

– Не наговаривай на себя. Себя тоже любить надо.

– Меня мама любит за двоих, но она далеко, в Саратове. Я ее сюда забрать хотел, она ни в какую, вот у кого железная воля. Всю себе забрала, мне ничего не оставила.

– А отец?

– Я его только на фото видел. Он ушел, когда мне четыре года было. Где-то в Белоруссии осел. Я по нему не скучаю, не знаю по чему скучать. А у тебя?

– У меня отец кремень, он в Афгане воевал, два ранения.

– Завидую тебе.

Так, слово за слово, постепенно сошлись два разных берега. Договорились одним днем сгонять в Тверь и обратно, не говоря отцу Алексея правды, будто бы едут на дачу к приятелю.

4

Работа превратилась в ад, каждый проходящий мимо считал своим долгом высказать мнение по поводу страшного происшествия и шепотом поинтересоваться: «Вы видели ее?» Марта упорно дезинформировала любопытных, что она ничего не видела, стояла на лестничной клетке, в квартиру не входила. К концу дня вранье стало походить на правду, нарабаталось соответствующее выражение лица и выдуманные подробности, многие верили.

Во время обеда заскочил продюсер, он приехал за машиной и заодно привез Марте гигантскую пиццу, которая своим ароматом взяла в плен целый подъезд, ровно до тех пор, пока не был уничтожен последний кусок. Игорь изменился до неузнаваемости, с лица пропала заносчивость, из вальяжного скользкого типа он превратился с среднестатистического молодого мужчину, исчезло пальто из верблюжьей шерсти как атрибут исключительности, его место заняла весьма обычная синяя парка. Теперь модного продюсера можно было опознать только по его экстравагантному автомобилю, но что-то подсказывало консьержке, что железяку ждет судьба дорогого пальто, то есть забвение. Они немного поболтали о том о сем, попили чай, молодая мамаша с коляской с шестого этажа, проходя мимо, громко заявила, что подъезд превратился в проходной двор. Марта предложила Игорю для обмена информацией свою квартиру, они договорились увидеться вечером.

Ближе к концу рабочего дня появился и Павел, его тоже было трудно узнать, но вектор его трансформации был направлен в противоположную сторону: из маргинала он превратился в уважаемого молодого человека, в хорошем костюме. Свои ужасные космы он перевязал какой-то вязаной лентой и теперь они не торчали во все стороны и не бросались в глаза.

– Привет, Гафер!

– Здравствуйте, королева подъезда!

– Только подъезда?

– Извините, я хам, невежа и всего лишь осветитель, – невинно похлопал ресницами новоиспеченный детектив. – Но не без талантов. Что слышно на линии фронта?

– Женщина из 85-й квартиры сказала «по секрету», что позавчера Цветане привезли продукты, она сама видела. Я тоже вспомнила, было такое. Старушка из 100-й квартиры утверждает, что несколько дней подряд видела в припаркованной машине человека, наблюдавшего за подъездом. Это надо проверить по камерам наблюдения. Мужчина из... 73-й квартиры, неприятный такой, говорил, что видел нашу актрису с разными мужчинами. Мне кажется, вранье, я не видела никого, кроме Игоря. Правда, я работаю всего восемь месяцев... Может, раньше?

– О, спасибо, волшебница, я проверю.

– Да, и Игорь заходил. Пиццу принес, я оставила тебе кусочек.

Марта открыла большую картонную коробку, которую заметил вредный старикашка из 87-й квартиры, только вошедший в подъезд.

– Сейчас молодежь, – покосился он на Павла, – стала непонятного полу. Вчера сын заказал пиццу, так его такое существо принесло, я даже вздрогнул. Раньше мужик был в брюках, и никаких других доказательств не требовалось, а сейчас все кому не лень бороды поотращивали, срамота.

Марта согласно покивала, чтобы старикан успокоился и ушел, и он так и сделал.

– Тяжелое у вас ремесло, королева, выслушивать всякую чушь. Спасибо за информацию и за пиццу, пойду познакомлюсь со свидетелями из 73-й и 100-й квартир.

– Зря ты игнорируешь весть о доставке...

– Продукты? Это к делу не имеет никакого отношения, наверняка.

– Возможно. Только очень странно, что потерпевшая накрыла стол – помнишь, на видео – с такими убогими закусками.

– Не успела, наверное, подготовиться. Гость был неожиданный?

– Тут возможны три варианта: первый – она отвратительная хозяйка, не умеет готовить, не умеет подать; второй – гость был никудышный, выразила таким образом свое пренебрежение; и третий – все произошло настолько неожиданно, что времени на подготовку не было, может быть, даже растерялась. Уж очень странно выглядел этот накрытый стол. Жаль мы в холодильник не заглянули, не до того было. Советую проверить все варианты.

– Марта, вы гений, я бы не обратил на это такого внимания, а если бы и обратил, не смог бы так разложить все по полочкам. Может, пойдете ко мне в ассистенты?

– Королева в ассистенты к мальчишке осветителю? Ты с ума сошел.

– А вот вы зря, я бы гонораром поделился. Может, подумаете? Мне опыта вашего не хватает, чтобы правильные выводы делать.

Есть невероятная притягательность в том, что человек говорит то, что думает, без всяких экивоков, скрытых смыслов, это подкупает... Не каждому дано относиться с иронией к собственной персоне, реально оценивая свои возможности. Как правило, такой человек легко обучается и для него нет границ в познании. Павел ушел, так и не дождавшись ответа, а Марта задумалась о том, что толкает человека на поиск правды, истины, знаний, откуда начинается дорога, которой нет конца? Почему один человек жаждет нового, ему всегда мало, а другой с детства уверен, что ему достаточно? Это загадка.

Марте пришла в голову отличная идея, как ей показалось, – сочинить посвящение в стихах, что-то типа «На смерть актрисы». Как обычно, с началом проблем не возникло: *Во цвете лет ушла актриса, по воле рока, не сама. А вот дальше: На сцене пауза повисла, взлетает вверх ее душа*, получилось как-то коряво. А перед глазами всплыло жуткое лицо, и эти открытые, потухшие глаза.

– Марта.

От неожиданности консьержка подскочила. Клара Вадимовна с пятого этажа была в домашней одежде, значит, она специально спустилась, чтобы сказать что-то важное.

– Я вас слушаю.

– Сегодня днем я случайно видела, как вы, Марта, ворковали с этим продюсером, или агентом, не знаю точно. Даже смеялись. У вас дружеские отношения?

– Да, а что?

– Вы простите мое любопытство, но я к вам хорошо отношусь, Марта, поэтому хочу предупредить. Он не такой милашка, каким хочет казаться, – Клара Вадимовна просунула свою голову в окошко. – Только между нами, полиции не надо ничего говорить. Неделю назад я стала свидетелем отвратительной ссоры, произошедшей между Цветаной и этим хлыщем. Он так орал на нее, что было слышно на улице, что-то типа: ты об этом пожалеешь, я тебя по миру пушу, никто тебя не будет снимать, и так далее. Но потом заметил меня, вошедшую в подъезд, и замолчал. Я это к тому, что он может быть опасен.

– М-м... А как Цветана реагировала на это?

– Смеялась, но как-то натужно, нервно, в голосе проскальзывали петушинные нотки.

– Понятно, спасибо, что предупредили, Клара Вадимовна, я буду осторожнее, обещаю.

Эта милейшая женщина и не подозревала, какую смуту она внесла в чуткую душу консьержки. Она априори воспринимала Игоря как товарища по несчастью, глубоко переживающего это горе, а если это лишь ширма, отвлекающий маневр, чтобы скрыть истинные отношения с покойной, то тогда понятно, почему он нанял такого неопытного детектива. Вроде как заинтересован в выяснении истинного убийцы, но какими-то странными методами. Пожалуй, пока не стоит поднимать волну, но присмотреться стоит, к ним обоим. А то, не ровен час, ее используют в сокрытии своих грязных делишек, и концы в воду. Излишняя доверчивость

часто приводила Марту в тупики, из которых потом сложно выбраться. Как сказал бывший муж, уходя к другой женщине, разве я обещал тебе любовь до гроба?

Вечером, после работы, ожидая гостей, Марта на скорую руку приготовила пасту с индейкой в сливочном соусе, это было самое быстрое блюдо, которое ей удавалось всегда. К тому моменту, когда мужчины позвонили в дверь, в квартире царили божественные ароматы, вызывающие бурное слюноотделение. Все деловые разговоры были отложены, чтобы не испортить удовольствие от еды.

– С тех пор, как я уехал из отчего дома, а это было ни много ни мало как 6 лет уже, я забыл о волшебной силе домашней еды.

– Паша, а где дом твоих родителей?

– В Саратове. – Оценив отсутствие реакции как непонимание, он поспешил объяснить. – Это такой довольно большой город на Волге, он раньше славился своими яблоневыми садами.

– Давно там не был?

– Прошлым летом на три дня приехал-уехал. Я там прямо распухаю на глазах, меня мама и бабушка кормят 24 часа в сутки. А здесь я на подножном корму: бутерброды – шаурма – пицца.

– Бедняга... Я могу тебя подкармливать, хочешь?

– Хочу, Марта, чтобы вы мне в моем... нашем деле помогли.

– А я разве не помогаю?

– Я имею в виду полноценно. Вот вы сколько здесь получаете?

– Не будем о грустном. Ешь-ешь. Добавки? Игорь, что-то случилось, вы сегодня не разговорчивый какой-то.

– Я сегодня полдня провел у следователя, – объяснил угнетенный продюсер, – никак не могу отделаться от ощущения, что они меня подозревают.

– Да? Это нормально, они всех должны подозревать на начальном этапе. Они что, не смотрели видео с камер наблюдения?

– Смотрели, наверное. Да, забыл о результатах вскрытия рассказать.

– Ну, конечно!

– Смертельная инъекция какого-то снотворного, кроме того, в крови обнаружен алкоголь. На запястьях, плечах, шее многочисленные мелкие синяки.

– Отпечатки?

– Не знаю. Моих там огромное количество, это точно.

– Игорь, – встрепенулся Паша, – мне нужно ваше с Мартой разрешение отдать следствию отснятое видео, в качестве жеста доброй воли.

– Паш, я уже отдал.

5

Любой день без работы заслуживает быть названным счастливым, ведь можно валяться в кровати хоть до вечера, а можно сходить в театр, кто-то выберет хорошую книгу, а кто-то бассейн, так много интересных занятий и так мало времени. На первый свой выходной Марта запланировала встречу со старой приятельницей, поход в кино и кофе с пирожным во французской булочной, но этим планам не суждено было воплотиться в реальность. Звонок из полиции разбудил ни свет ни заря и разрушил очарование свободного дня.

За свои сорок с гаком лет Марте не случилось бывать в отделении полиции. Она по наивности думала, что изображаемые на телеэкране люди и интерьеры слегка утрированы, гипертрофированы, но оказались вполне реальными. Лицо в окошке с трудом в него вписывалось – круг в квадрате.

– Мне позвонили, сказали зайти в 14-й кабинет.

– А кто звонил?

– Я фамилию не запомнила, он так быстро произнес.

– Ваша фамилия.

– Марта Кружка.

– Хм-м, Кружка? – дежурный сверлил взглядом посетительницу, не шутит ли.

– Да, вот такая смешная фамилия, спасибо папе.

Круглолицый набрал короткий номер на стационарном телефоне.

– Жарков, ты вызывал гражданку Кружку? Ага. Проходите.

Идя по безликому коридору, Марта вспомнила, как в школе кричали в спину: Чашкина, Стаканова, Фужерова – самые безобидные из них. А ей нравилась ее фамилия. Короткая, жужжащая, и ни у кого такой она не встречала, кроме родственников.

Жарков оказался совсем зеленым лейтенантом с тонкой шеей и цыплячьей грудкой. Он усадил Марту перед монитором и взял листы бумаги, на которых предварительно была изображена таблица с двумя колонками «вход» и «выход».

– Мы посмотрим запись с камеры наблюдения, которая установлена в подъезде. Вы будете называть людей, которые входят и выходят. Хорошо?

– Конечно. Я могу не знать имен или фамилий, но знаю, из какой квартиры.

– Этого достаточно.

– Подождите, а как быть с людьми, которые приходили одноразово? У меня в журнале все записаны...

– Вот ксерокопия с ваших записей за два дня. Готовы?

Такое ерундовое, казалось бы, занятие заняло больше четырех часов, с коротким перерывом на чай с печеньем. Когда Марта вышла из отделения полиции, уже смеркалось – вот так бесславно погиб первый из ее выходных. Утомительный просмотр оказался очень полезным, она сделала пару интересных наблюдений и одно загадочное открытие, делиться которым с лейтенантом не стала, пусть допетривает собственным умом. Тетка с 8-го этажа, новоиспеченная пенсионерка, четыре раза входила-выходила в трех разных одеждах. Раньше бы она этого не заметила. Ночью этого дня в квартиру Цветаны поднимался Звездунов и почти сразу ушел, но он об этом умолчал. Интересно, ему не открыли или разговор был таким коротким? Они отсмотрели всю ночь, и теперь у Марты было представление, как живет подъезд после 21 часа, когда она уходит домой.

У подъезда на лавочке сидел Павел с книжкой в руках.

– Привет, Гафер. Глаза не боишься испортить?

– Тут от фонаря светло, все видно.

– Такая интересная книжка?

Детектив повернул к ней обложку – «Уголовное право».

– О, образование – это прекрасно.

– У вас, королева, усталый вид.

– Пойдем, что-нибудь съедим?

– Может, в кафе?

– Нет уж, спасибо. Отваримпельменей?

– Класс!

Когда вода в кастрюле уже закипала, Марта засыпала в нее самодельныепельмешки.

– Паш, а как тебя угораздило в детективы податься?

– Это желание постепенно вызревало в моей в голове, потом я понял – хочу. Ну, мне помог Борисыч, директор, которому я вычислил телефонных шантажистов. А до этого я находил потерянные на площадке рации, телефоны, документы, и мне это нравилось. Вот Борисыч и говорит: попробуй, и купил мне лицензию.

– А-а, понятно. Ну, держи еще подарки, детектив. Сегодня на просмотре выяснилось, что твой прекрасный клиент Звездунов поздно вечером приезжал к Цветане в 23:43, но быстро ушел – в 23:48.

– О как! Следователь сказал, что примерное время смерти между 4 и 5 часами утра.

– Это не мог быть он. Смерть от инъекции снотворного, даже гигантской дозы, может длиться несколько часов, дней. Это медленное угасание

– Да, но в тот момент, когда он звонил в квартиру, убийца мог находиться там.

– Мог... И второй подарок: курьер, который принес пиццу в 87-ю квартиру в 21:37, не вышел из подъезда.

– Как он выглядел?

– Никак. Лица не видно – козырек бейсболки закрывает. Худощавая фигура, куртка, джинсы.

– 87-я? Я туда заходил вчера, разговаривал с таким замороженным стариканом. Он заказывал пиццу?

– Нет, его сын.

– Они живут вдвоем?

– Да.

– Он вчера что-то говорил про курьера...

– Я его обычно не слушаю – он немного того, – Марта изобразила бетономешалку у виска, – в прошлый раз утверждал, что по ночам к нам в подвал выгружают мешки со взрывчаткой. Понимаешь?

– Да, понимаю.

– И самое интересное – на закуску. Около 6 часов утра из подъезда вышел некто в пуховике Цветаны, огромном таком, с меховой оторочкой, я его хорошо запомнила с прошлой зимы.

– Лица, конечно, видно не было? А фигура?

– Долговязая, сутулая. Больше ничего не видно было.

– Курьер?

– Возможно.

– Надо будет узнать, куда направился этот субъект. Они наверняка отследили эту загадочную фигуру по другим камерам.

– Обязательно. Хотя мне думается, убийца не дурак.

– Посмотрим.

Пельмени уже захватили своим запахом всю квартиру, надо было срочно эвакуировать их из бульона. Марта достала красивые керамические тарелки, расписанные в народном стиле, банку сметаны и мелко нарезанный укроп.

– Вот это да, я так давно не чувствовал себя как дома!

Паша с осторожностью откусил самую малость, боясь обжечься, но забыл о том, что даже крупные домашние пельмени лучше поглощать целиком, – ручеек сока побежал по его подбородку вниз и закончил свой путь на майке. Марта рассмеялась и кинула ему кухонное полотенце.

– Сделай себе слюнявчик, детка.

– Обижаете, королева, пятна украшают мужчину.

Но и хозяйка тут же была наказана за самоуверенность: по пути к открытому рту с горячего пельменя съехала большая капля сметаны и украсила кофту жирной белой кляксой. Марта прыснула от смеха и пропела:

– Я свинья и ты свинья, все мы братцы свиньи...

– Боже, что это?

– Песенка из мультфильма «Кошкин дом».

– Как я отстал от жизни.

Павел достал телефон и стал искать песенку.

– Учиться, учиться и еще раз учиться.

– Ого, ты что, знаешь, кто такой Ленин?

– Я талантливый. Или я уже говорил об этом?

Маленькая квартирка наполнилась пороссячьими голосами, Гафер хохотал как мальчишка. Он смотрел отрывок четвертый раз подряд, когда прозвенел звонок в дверь.

– Кто бы это мог быть? Вы кого-то ждете в гости, королева?

– Нет, но я догадываюсь, кто это может быть.

Продюсер – это был он – поздоровался и прошел в кухню. Так как все трое были знакомы всего несколько дней, они еще плохо ориентировались в настроении друг друга. Звездунов был тих и обращен внутрь себя, он даже не заметил, что испортил другим настроение своим появлением.

Кредит доверия такая странная штука, он выдается однажды без залогов и поручителей, для его получения достаточно улыбки, взгляда или распахнутого сердца, но, нарушив этот бессловесный договор ложью или предательством, его невозможно получить снова на тех же льготных условиях. Марта с Павлом переглянулись, этот взрослый мужчина, понуро сидящий на стуле, втянул их обоих в это грязное дело, но не был откровенен, честен с ними, и они не знали, стоит ли продолжать помогать ему. Он молчал, они тоже. Кто-то должен был разрушить этот порочный круг молчания.

– Паша, меня мучает один вопрос. Вот эти твои мочалки на голове, потом от них как избавляются? Срезают или они сами отваливаются? – попыталась разредить гнетущую атмосферу Марта.

– Душа моя, вам не нравится? А я думал, это выглядит так... брутально и одновременно раскрепощенно. Это моя последняя девушка мне сделала.

– Вы с ней еще вместе?

– Нет, расстались пару месяцев назад.

– Так избавься от них – на волю с нормальной прической!

Игорь никак не реагировал на этот шуточный диалог. Сжалившись над ним, Марта положила в тарелку несколько пельменей и протянула ему.

– Спасибо, – встрепенулся он. И тут же продолжил: – я так полагаю, вы уже в курсе, что я приходил в ночь убийства к Цветане? Мне очень стыдно, что я это утаил. Причем это все равно выяснилось бы, о чем я только думал...

Лед в сердцах понемногу начал таять, хозяйка тут же засуетилась, поставила на огонь кастрюлю для новой порции пельменей. В эту неловкую паузу каждый не знал, что сказать.

Павел вернулся к сосредоточенному поеданиюпельменей, Игорь смотрел в тарелку немигающим взглядом, ждал осуждения.

– Фантастика! – поднял от тарелки восхищённое лицо Паша. – Я распробовал – это необычный рецепт, да, королева?

– Да, Гафер. Меня научила одна еврейская мадам, с которой я работала в конструкторском бюро.

– Там какой-то секретный ингредиент?

– Да-да.

Марта любила готовить, как и все, чем увлекалась в жизни. Это приносило ей радость созидания. Бывший муж обожал ее стряпню и наел приличный пузень за семь лет брака. И даже свекровь ценила невестку за это.

– Помидоры, – повела бровями хозяйка.

Продюсер не мог вынести этого полного игнора, его будто бы и не было на этой кухне..

– Я все расскажу. – Присутствующие наконец обернулись в его сторону, готовые слушать признания. – Мы в последнее время не очень ладили... кто-то стал активно ездить по ушам Цветане, кто-то хотел нас поссорить. И им это почти удалось. Информация подавалась очень грамотно: часть правды, перемешанная с враньем. Поэтому очень трудно было доказать, что я ни в чем не виноват.

– Какая информация, о чем вообще речь? – в возникшей паузе растерянно поинтересовался Гафер.

– В последний раз скандал разгорелся из-за того, что ей сказали, мол, я отдаю ее роли другим актрисам. Звезда у меня одна... была. Есть еще актрисульки, которым в пору играть пожарный гидрант, но им тоже надо что-то кушать. Так вот, я всегда прочитывал сценарии, которые присылали для Цветаны, и самые никчемные отдавал молодежи. Ну, скажите на милость, зачем ей об этом знать? У нее всегда была куча предложений от хороших режиссёров, на фигу тратить силы на дерьмо? Она устроила мне скандал, заявила, что отныне она сама будет решать, в чем сниматься, а в чем нет. Вот так.

– Игорь, а той ночью вы для чего приезжали? – Марта старалась говорить мягко, как с ребенком.

– Я получил от нее сообщение: «Это все». И очень перепугался, стал звонить, но телефон уже был выключен, я поехал, но она дверь не открыла.

– А полиция ее телефон нашла?

– Нет, Марта, не нашла.

– Интересненько.

6

Таинство старения, тот процесс, что обычно происходит годами, десятилетиями, сконцентрированный в два часа времени, – зрелище это завораживало так, что невозможно было оторвать глаз. Кожа растягивалась как резина, и на нее губкой наносился белый состав, похожий по виду на обычный клей ПВА, затем подсушивался феном, и так три-четыре раза. Над этим сложным процессом трудились сразу два гримера, парень и девушка, пока один намазывал, другой сушил, и так далее.

Когда Марта и два ее спутника заглянули в трейлер, то видели, что на кресле еще сидел молодой человек, которого они сразу узнали, ведь над его фотографиями вздыхают украдкой миллионы домохозяек по всей стране. А через час он превратился в дряхлого старика, с лицом, как печеное яблоко, и только глаза, ясные и яркие, выдавали его настоящий возраст. Но это тоже быстро исправили, вставив ему мутные линзы. Затем добавили на сморщенную кожу пигментных пятен – и вот, перед глазами Марты предстал настоящий дряхлый дед, в чертах которого едва-едва улавливалось сходство с тем модным актером. Старикан легко встал и неожиданно улыбнулся ослепительной улыбкой своему отражению в многочисленных зеркалах, девушка-гример отреагировала мгновенно:

– Фторлак.

Таким тоном обычно говорят доктора в старых фильмах во время операции: скальпель, зажим, отсос. Лучезарная улыбка померкла под слоем желтой гадости, которой замазали зубы.

– Рустам, руки сам сделаешь, я отойду на десять минут.

Гримерша махнула рукой гостье, мол, пойдем, и направилась к выходу. За дверью на улице их ждали продюсер и детектив.

– Маш, сколько у тебя времени?

– Десять минут.

– Давайте тогда в моей машине поговорим. До тебя еще полиция не добралась?

– Пока нет.

Узкая улочка была плотно заставлена специализированными киносъёмочными машинами, одна из которых громко гудела, а другая светилась так, что пасмурный осенний день превращала в солнечный летний. Кругом по асфальту змеились толстые кабели с руку толщиной. Небольшими группами курили люди в костюмах прошлого века. Марте очень хотелось посмотреть на съемку – в отличие от своих спутников, она это видела впервые, но они приехали не за этим.

С разрешения гримерши Гафер включил диктофон, чтобы ничего не пропустить мимо ушей.

– Игорь, я не понимаю, о чем ты меня собираешь спрашивать, ты ведь сам больше меня знаешь.

– Маш, мы никогда не обсуждали личную жизнь, если она не мешала карьере. А вы – женщины болтаете об этом постоянно. Может, Цветана рассказывала про свои отношения с кем-то, с мужчинами... или с женщинами, может, какие-то конфликты.

– Она не была склонна к разговорам по душам, даже пьяная.

– Может, ей кто-то нравился? Или, наоборот, бесил? Ничего не говорила?

– Послушай, у тебя превратное представление о женской болтовне, – усмехнулась Маша. – Это как дамская сумочка: там всегда такой бардак, и разобрать, что важное, а что только в мусорку, практически невозможно. Для женщины сказать: «какая аппетитная попка» или «симпатичная мордаха» – это ничего не значит, это только слова. А потом, я всего и не упомяну... Но точно знаю, мы никого не обсуждали дважды. Я бы запомнила.

– Что, совсем ничего не рассказывала?

– Мы гораздо больше говорили о всякой ерунде – о косметике, о чудесных эликсирах для молодости кожи, о хороших массажистах, иногда о вкусной еде... Вот недавно она вдруг вспомнила, как они вместе с бабушкой солили арбузы, а я даже не знала, что их солят.

– Что-нибудь еще вспоминала из прошлого? Или про родню?

– Сейчас не припомню. Если всплывет что-то, обязательно скажу. Ты лучше у Анжелы узнай – они больше секретничали, потому что ближе по возрасту, и вообще...

«Да, пока тебе двадцать пять, кажется, что тридцать семь – это запредельная древность. Не успеешь оглянуться, голубушка, а тебе уже сорок три» – подумала Марта. Игорь достал из подлокотника крошечный термос и налил Маше кофе, чудесный аромат которого наполнил салон, но юная гримерша испортила его, закурив сигарету.

– Цветана говорила, что впервые попробовала вкус кофе только после окончания школы, у них в семье не принято было его пить. Дикость какая... Интересно, что они потребляли дома? – выпуская дым, проговорила она.

– А Анжела сейчас где работает? – спросил Игорь.

– В Ярославле, что-то криминальное.

– Ну, спасибо. Если что вспомнишь, звони обязательно.

Девушка докурила, допила и отправилась восвояси расхлябанной походкой, а Звездунов завел мотор.

– Игорь, мне неловко тебя просить, но, возможно, больше не будет такого случая.

– Ты о чем, Марта?

– Покажи мне, пожалуйста, съемочную площадку.

Атмосфера исключительности здесь ощущалась кожей, она начиналась от края освещенной территории, где на высоких штативах были подвешены огромные лампы. Как только они попали в «круг света», каждый обращал на них внимание – не чужаки ли нарушают покой священного места?

– Сколько вам нужно времени? – спросил Павел. – Я хочу провести своих.

– Паш, мы недолго, пойдем глянем и домой, да, Марта?

Парень с рацией в руках ринулся им наперерез, у Марты появилось желание ретироваться, но было поздно.

– Вы к кому?

– Да мы ни к кому, так, посмотреть, – по-свойски сказал Игорь.

– Здесь нельзя находиться посторонним.

– Мы не посторонние – мы свои.

Парень с сомнением посмотрел на продюсера.

– Мы поздороваемся, глянем и уйдем, – заверил его Звездунов.

– Я не могу вас пропустить, меня уволят.

– Ну, хорошо, кто у вас второй режиссер?

– Регина.

– Молодцова? Прекрасно. Передай ей по рации, что к ней Звездунов с друзьями.

Парень передал по рации, как ему сказали, и женский голос велел пропустить их.

– Сейчас у вас съемки или репетиция? – уточнил Игорь.

– Репетиция. Проходите, второй этаж.

Они зашли в деревянный дом, пахнувший подвалом, удивительно, как такие сохранились в современном городе, словно специально оставленные нетронутыми для ретро-съемок. По всему пути их следования туда-сюда сновали люди. Что они делали, было непонятно, но создавали вокруг вихревые потоки. Некоторые здоровались с Игорем, он отвечал автоматически, не вглядываясь в лица: привет, привет. Вот они достигли эпицентра. Как и в урагане, здесь было затишье, лишь из одной двери, распахнутой в коридор, лился как будто солнечный свет. Туда никто не заходил. Из темного проема соседней двери вышла хрупкая женщина.

– Игорек, какими судьбами? – она чмокнула его в щеку. – Я соболезнаю тебе, крепись. Говорят, это ты ее нашел?

Звездунов кивнул на Марту:

– Мы вместе обнаружили. Это Марта. Можно ей пару минут на репетицию посмотреть?

– Ну, конечно, только умоляю – без звука, ты ведь знаешь Вадика, он может впасть в истерику в любой момент.

Регина мягко взяла Марту за плечи и отвела к проему двери, из которой лился яркий свет, прислонила ее к стене так, чтобы было видно, что происходит внутри, приложила палец к губам и ушла. В комнате, обставленной старинной мебелью, под большим абажуром с кистями сидели двое: уже знакомый фальшивый дед, но теперь одетый в холщовую рубаху, и второй, видимо режиссер, с круглым лицом и поросячьими глазками.

Очень хотелось услышать, о чем говорят эти двое, но они говорили очень тихо. Руки режиссера постоянно двигались, дополняя мимику, небольшие глазки буравили малоподвижное из-за грима лицо актера: дошло ли до него, проняло ли. Тут боковое зрение Марты зафиксировало какое-то движение и что-то большое перекрыло осветительный прибор, стоящий в коридоре

– Это что такое?! – в полной тишине хрипчатый голос прозвучал, как иерихонская труба, в радиусе пятидесяти метров содрогнулись все. Затем из того же источника последовала целая очередь витиеватой брани. Марта испуганно посмотрела вправо, фигура, перекрывшая свет, была огромной и угловатой. Режиссер тоже отреагировал на брань и гаркнул так, что содрогнулись и стены.

– Лиля, пошла вон!

– Но, Вадим Сергеевич, тут посторонние...

– Лиля, повторяю, пошла вон! Мне не мешают посторонние, мне мешаешь ты!

Женщина-шкаф шумно покинула коридор, но режиссеру уже не удалось вернуться к доверительной беседе, и он объявил репетицию с камерами. Звездунов забрал Марту со съёмочной передовой от греха подальше, и они вышли на улицу. Там, окруженная курящими эпизодниками, хлюпала носом женщина-глыба. Она действительно была огромной, рост – под два метра, с фигурой – как в старом анекдоте: 120-120-120, где талию будем делать? Женщины после сорока, имеющие подобную фигуру, почти все напоминают Фрекен Бок, даже если у них новомодная прическа с выбритыми висками и широченные шаровары, вот такой парадокс.

– Я больше на площадку ни ногой, пусть без меня обходятся! И главное – за что?!

Тут она заметила причину своих неприятностей и двинулась на Марту. Но Игорь вовремя выступил вперед. Женщина-богатырь, увидев его, изменилась в лице:

– А-а, Игорек, привет-привет! Какими судьбами к нам?

Они трижды облобызались, как члены одной секты. Эти постоянные поцелуи всех со всеми были как пропуск в этот закрытый мир и как бы говорили: ты наш, проходи.

– Когда похороны? Я приду.

– Как только разрешат, я всем позвоню. Обязательно.

– Это такое горе, – сокрушенно произнесла она. – А Гвидо ты позвонил?

– Кто такой Гвидо? – насторожился Звездунов.

На лице Лили промелькнуло удивление и секундное замешательство, говорить ли правду, и выдала:

– Ее итальянский ухажер. Неужели ты ничего не знал?

Марта заметила, как по лицу Игоря прокатилась волна болезненных эмоций, но он быстро взял себя в руки.

– Я не лез в ее личную жизнь, у нас был такой уговор.

Лиля понимающе покивала, но было ясно, что своими соображениями по этому поводу она обязательно поделится со всеми желающими. От этого тягостного разговора их спас Гафер,

он вынырнул из-под какой-то сложной конструкции и, заявив, что им пора, увел их из этой сладкой ловушки.

7

Что-то здесь должно быть. Павел прокручивал туда-сюда отснятый Мартой ролик. Все, кроме последней минуты, – смотреть на то, как продюсер откидывает голову убитой, открывая ее страшное в своей отстраненности лицо, больше не было сил. Где-то здесь должна быть зацепка, просто обязана быть.

Согласно результатам экспертизы, отпечатки пальцев, найденные в квартире, располагались странно: отсутствуют какие-либо следы на втором бокале, на дверных ручках, на пульте телевизора, в ванной комнате все было тщательно стерто, но зато на кухне отпечатков полно. Не были в квартире обнаружены ни компьютер, ни мобильный телефон убитой, зато ни драгоценности, ни деньги тронуты не были. Хотя меркантильный интерес все равно исключать не стоит, ведь еще может обнаружиться завещание. Как говорит Марта, шкурный интерес объясняет политес.

Возможно, это было самой большой ошибкой – влезать в дело с убийством. Надо было довольствоваться розыском собак и выслеживанием неверных жен, это и дилетанту под силу. Конечно, было искушение взять что-то посложнее и, как в книгах, продвигаться от зернышка к зернышку, рассыпанным преступником и – тадам... лавры и почет у тебя в кармане. А что получается в реальности? Есть убийство, оно выглядит странно, все эти приклеенные веки и истерзанные цветы о чем-то говорят, но убейте – непонятно, о чем.

И хотя потерпевшая была публичной личностью, у всех на виду, но о ней толком ничего неизвестно, ни кто она, ни откуда. Полиция послала запрос в Темрюкский район Краснодарского края, где на хуторе Солёный вроде бы проживала ранее гражданка Денисова Светлана Анатольевна. И надо бы съездить туда, расспросить свидетелей. Но тут нарисовался какой-то Гвидо, житель итальянского Турина, о котором вообще нет никакой достоверной информации. О том, что у Цветаны якобы была связь с итальянцем, знают единицы, в том числе самый недостоверный источник информации – Лиля, ядовитый распространитель сплетен. И куда бежать непонятно, то ли рвануть на хутор Солёный, то ли лететь в прекрасный Турин, где искать иголку в стоге сена, так как фамилия Гвидо то ли Гаэтано, то ли Песталоцци, и как это пишется по-итальянски, тоже загадка.

Павел попробовал просеять возможные варианты в социальных сетях, но после восьмичасовых поисков потерял надежду и сбился со счета. В итоге ни одной версии, ни одного подозреваемого, только растущая неуверенность в собственных силах. А как в детективах все всегда гладко: если персонаж появляется на страницах книги, значит, он точно имеет отношение к убийству – не будет же автор зазря бумагу мараить. А тут, как на станции метро Комсомольская в час пик, – народу тысячи, все одновременно движутся в разных направлениях, попробуй вычисли нужного человека.

На него позавчера на съемочной площадке вдруг нахлынула такая ностальгия, хоть все бросай и возвращайся. Павел уже три месяца как расстался с друзьями. Может, зря он так резко все поменял, возомнив себя детективом?

В течение семи лет обычный рабочий день начинался в пять часов утра, когда весь город еще спит, а ты едешь в такси по еще пустому городу и видишь, как светлеет восток, и чувствуешь себя гонимым, предвещающим восход светила. А на базе тебя уже ждут ребята, такие же, как ты, молодые и ловкие, готовые всегда прийти на выручку. Этого, конечно, не хватает, солнечных шуточек, легкого флирта с девчонками без отрыва от производства, надежно прикрытого тыла. В стае было комфортнее – всегда кто-то готов подставить плечо, выручить подменной или деньгами. А теперь он одиночка, это точка – как срифмовала бы Марта.

Надо было признаться, эта миниатюрная шустрая женщина притягивает его как магнит, но в этом влечении отсутствует сексуальная составляющая, совсем. Есть в ней что-то теплое,

родное и надежное, с ней можно отправиться на необитаемый остров и быть уверенным, что она придумает, как спастись и не умереть с голоду... и в обиду не даст.

Марта совсем не удивилась позднему визиту, в последнее время она чувствовала себя на передовой, и ей это нравилось, жизнь так и кипела вокруг. А повышенная активность требовала усиленного питания, она снова стала готовить в больших кастрюлях.

– О, чем это так дивно пахнет? – Павел засосал носом целый кубометр воздуха.

– Сегодня в меню тушеные говяжьи ребрышки и овощное рагу. Годится?

– Я вообще-то не голоден... – соврал он.

– Тогда до свидания, – махнула рукой в сторону двери Марта.

– Я пошутил.

– Ну так мой руки.

Когда человек голодный, он энергичен и легок на подъем, а когда сыт, он склонен к неспешному философствованию. После ребрышек Павел неожиданно для себя ударился в воспоминания о безмятежном детстве.

– А моя мама тушила куриные желудки и почему-то называла их ласково «пупочки», – в голосе Гафера появились непривычные мечтательные нотки, – мы их очень любили.

– Я тоже их люблю, раньше часто готовила...

– У вас, королева, наверное, был пухлый муженек?

– Не будем об этом, – отрезала Марта.

– Хорошо. Я, собственно, пришел поделиться сплетнями и обсудить кое-что.

– Выкладывай.

И Гафер поведал ей все, что добыл за час пребывания в родной стихии. Узнав, что он занимается этим делом, каждый считал своим долгом кинуть комок грязи в светлый образ экранной звезды. Доброжелатели сообщили о романе Цветаны с известным, но глубоко женатым актером М. Роман был бурным и быстротечным. Жена актера М. густо поливала грязью соперницу в соцсетях и блогах, утверждая, что у нее есть тщательно скрываемые физические недостатки, такие как косоглазие и целлюлит. Другой источник утверждал, что звезда напивалась до поросычьего визга чуть ли ни каждый день.

Очарованная пребыванием в творческой атмосфере съемочной площадки, Марта испытала брезгливость от гнилостных процессов, скрывавшихся в этой снобской среде. Болото, вот на что это было похоже. Так посмотришь со стороны, вроде зелень, цветет, благоухает, а стоит оступить, и брызги зловонной жижи испачкают не только одежду, но и душу, могут даже затянуть на самое дно. Павел заметил глубокое разочарование на лице Марты, еще один кумир был свергнут с пьедестала.

– Все-таки странно, что у нашей звезды ни одной серьезной связи, – задумчиво произнесла она, – ни одного длительного романа, будто она и не женщина вовсе, а киборг.

– Она же замужем была, – возразил Павел.

– Да, точно, я и забыла. А кто был ее муж, ты знаешь?

– Вячеслав Ревзин, шестнадцать лет назад был фотографом, сейчас риелтор. Живет в Питере, женат, трое детей. Я разговаривал с ним по телефону, он сказал: их брак был ошибкой молодости, и все.

– Это и понятно, у него давно другая жизнь, в другом городе, с другой женой и профессией. Разрушенный брак – это всегда трагедия, иногда маленькая, иногда огромная. Люди не любят вспоминать свои неудачи. А ты хотел, чтобы он по телефону незнакомому человеку выложил тайны Светланы Денисовой?

– Так это было сто лет назад.

– Паш, тебе сколько лет, двадцать пять?

– Двадцать семь.

– Ну-у, это существенная разница, – рассмеялась Марта. – Ты, судя по всему, ни разу в жизни не бросался в омут с головой.

– Зачем?

Объяснять человеку, ни разу не попадавшему под гидравлический пресс любви, сложно и бесполезно, что сильные чувства меняют все вокруг до неузнаваемости, что в горниле страсти подлость и подвиг равнозначны и являются лишь средствами достижения желаемого.

– Я надеюсь, ты узнаешь это когда-нибудь, оно того стоит. Извини, я отвлеклась. С ним надо поговорить лично. Может, у нее были какие-нибудь физические недостатки или болезни, что заставляло ее избегать мужчин.

– И я о том же. Марточка, дорогая... – Павел осекся и продолжал в шутливом тоне: – О, простите меня, королева, я не достоин...

– Брось фиглярствовать, шут.

– Я разрываюсь. Не знаю, куда бежать, с чего начать? Или в Питер лететь, или на хутор Солёный, откуда Светлана родом, – Паша упорно давил на жалость, – или здесь сплетни проверять. Помогите, королева.

– Хутор Солёный? – заинтересовалась Марта, – а кто там живет из ее родных?

– Ничего не знаю. Ответ на официальный запрос еще не получен.

– Это далеко?

– Темрюкский район Краснодарского края, недалеко от Азовского моря.

Паша наблюдал, как Марта в глубокой задумчивости ставит чайную чашку в холодильник, но промолчал, боясь спугнуть ее мысли.

– Я думаю, тебе нужно начинать с фундамента, то есть с детства. Очень часто у мести глубокие корни. Ты чай будешь?

– Буду. А следствие считает, что причиной убийства может быть профессиональная ревность или зависть. На это их натолкнули приклеенные веки, мол, смотри свои сериалы, они ужасны. Они сейчас перетряхивают киношников.

– Очень хорошо, – обрадовалась Марта, – ни к чему нам друг другу на пятки наступать. Они пусть там копают, а мы перетряхнем прошлое. Поезжай на хутор Солёный, поинтересуйся, какой была наша звезда раньше, поспрашивай всех соседей, одноклассников, учителей. Узнай, как она ладила со сверстниками...

– Э-э.

– Если хочешь, составлю тебе список примерных вопросов. Хочешь?

– Хочу, чтобы вы, светлейшая голова этого дрянного мегаполиса, поехали со мной, – Паша говорил быстро, боясь, что его прервут, – я оплачу дорогу, проживание, питание.

– Ты чего? – не очень уверенно проговорила Марта. – Я же работаю.

– Мы уложимся за два дня выходных. Я на это надеюсь.

Стоило всего на мгновение позволить себе подумать о том, что это возможно, как в тесную каморку бытия ворвался свежий ветер странствий. Он смахнул пыль оседлости, разбудив древний ген кочевников, дух захватило от открывшихся внутреннему взору неведомых уголков дальних стран – она так давно никуда не ездила дальше родительской дачи. Павел видел на подвижном лице Марты, как она продвигается в своем сознании от отрицания к согласию.

– Марта, ради того, чтобы вы согласились, я готов на все.

– Даже так? – озорные искорки плясали в глазах консьержки, – прямо на все?

Молодой детектив на минуту задумался, а что ему, собственно говоря, терять?

– На все.

– Я хочу, – Марта сделала интригующую паузу, – чтобы ты сменил прическу.

8

Пацан сказал, пацан сделал, только теперь ныкался по углам, как нашкодивший шенок. Пришлось Марте даже уступить ему место у иллюминатора, чтобы рана быстрее зажила. Ну, подумаешь, волосы не зубы же, вырастут. Немного коротковаты, правда, получились – теперь Паша был похож на новобранца и так же был не уверен в себе.

– Я как голый.

Марта рассмеялась счастливым смехом, сегодня для нее все было прекрасно, и поездка на такси в аэропорт – уже маленькое путешествие, и завтрак в кафе перед вылетом, регистрация и досмотр, все вызывало любопытство и хихиканье. Ей трудно было объяснить Павлу, так привязанному к своему тщательно выверенному образу, что волосы, тем более чужие, вообще не потеря, а так, смена имиджа.

– Перестань дуться, будь женщиной, – Марта стала говорить мягко, – это сложно, но взрослеть надо. Выбранный тобой образ должен показывать миру, что ты неординарная личность, правильно я поняла? Так вот, все давно привыкли, что изоциренность формы отнюдь не соответствует богатству содержания, скорее наоборот, это вызывает интерес лишь у неуравновешенных, глубоко закомплексованных особ. Вот скажи, какими были твои последние романы? Среди твоих девушек была хоть одна, по которой ты скучаешь до сих пор?

Паша оторвал глаза от иллюминатора и наконец посмотрел своей спутнице в лицо.

– Мне как-то не везло с девушками... – с горечью проговорил он.

– Вот видишь, а сейчас если ты поглядишь выше моего левого плеча, то увидишь симпатичную брюнетку в бирюзовом, которая не сводит с тебя глаз с самой посадки в самолет.

Девушка действительно была симпатичная, и Паша растаял.

– И как вы все замечаете?

– Потому что «мы» внимательные.

С первым глотком теплого воздуха Марта ощутила себя перелетной птицей, добравшейся наконец на юг. Солнце светило ярко, но уже не жарко, ведь был конец октября. После утреннего дождя со снегом в Москве тело, почувствовав тепло, вело себя как пластиковая бутылка с замерзшей водой, покряхтывало, поскрипывало, медленно избавляясь от скукоженности. В аэропорту Анапы путешественники забрали предварительно заказанную Павлом машину. Маленькая желтенькая KIA RIO так нагрелась на солнце, что пришлось подождать с открытыми дверцами несколько минут, прежде чем трогаться в путь.

– Гафер, а ты водить-то умеешь? – хитро прищурила глаза Марта, – у тебя же нет машины.

– Не дрейфьте, королева, права же у меня есть!

– Не вижу логики. У меня, например, есть словарь немецкого языка, но это же не значит, что я умею шпрехать на этом языке.

– Я практиковался, – Паша размашистым жестом достал из нагрудного кармана зеркальные пижонские очки, – много раз брал машину в аренду. Думаю, с этой малюткой я справлюсь. Да и здесь проще, чем в Москве.

– Это да, – согласилась с ним Марта, – кстати, у меня тоже есть права, но водить я не умею.

– Почему? – искренне удивился Гафер.

– Давно это было, училась, сдала экзамены, с тех пор не ездила.

– Хотите попробовать?

– Нет, ты что! Я боюсь.

– А-а, – с сомнением произнес Паша и уткнулся в телефон, – так, сначала махнем в Темрюк, заберем ключи от квартиры, бросим вещи, а потом на хутор.

– А пообедать?

– Там в городе и пообедаем. Думаю, на хуторе будет негде.

Проблем не возникло – Паша управлял машиной осторожно и не торопясь. Солнце следило за ними непрерывно, заглядывая то справа, то слева. Небо было в дымке. Порыжелая листва еще боролась с неизбежным наступлением зимы, но эта битва будет проиграна при первых же порывах сильного ветра. Вдоль дороги мелькали посадки фруктовых деревьев и виноградников, но основное пространство было плоским как стол, заросшим тростником и выгоревшей травой.

– Я не видела Азовского моря, а ты? – глядя в боковое окно мечтательно произнесла Марта.

– Я и Черного не видел. Зато я видел Средиземное! И Индийский океан!

– Везунчик. Я – только Балтийское и Черное. А ты видел акул?

– Маленьких – да. Но я забыл про Красное! Вот там красивые рыбки, тебе... о, извините – вам бы понравилось.

Как же приятно было ехать куда хочешь, смотреть по сторонам и не ежиться зябко от холода. Городок оказался зеленым и тихим, арендованная квартирка была похожа на квартиру Марты, только побольше. Хозяйка любезно рассказала, где можно поесть без вреда для здоровья, и предложила домашнюю еду за отдельную плату. Они согласились, но сегодня решили пообедать в людном месте.

Плотно подкрепившись, они направились на хутор по той дороге, которая пролегла вдоль моря, если верить навигатору. В какой-то момент одноэтажные дома с одной стороны дороги закончились и показалось море, синее со стальным отливом, оно не выглядело дружелюбным. Останавливаться не стали – время близилось к вечеру, а они еще ничего не успели узнать.

Все три улицы хутора Солёный были расположены параллельно и соединялись небольшими переулками, домики в основном были аккуратные, палисадники ухоженные. На центральной улице находилась администрация, где путешественники решили получить первоначальную информацию, но там было закрыто.

Бесприкрытый вариант в поисках живых душ – посетить магазин, что они и сделали. Одноэтажное неказистое здание с вывеской «Продукты» располагалось как раз напротив администрации. Сначала показалось, что за скрипучей дверью никого нет, в помещении царил полумрак, верхний свет не горел, только подсветка единственной холодильной витрины. Из-за нее выглянула голова девочки-подростка лет четырнадцати.

– Привет, – дружелюбно проговорил Павел, – ты здесь одна?

– Здравствуйте, мама пошла покормить кур, скоро вернется.

Девочка покинула свое убежище и включила верхний свет.

– Если вы хотите что-то купить, я могу продать, – заверила она незнакомцев, – не обязательно ждать маму.

Марта стала рассматривать нехитрый ассортимент: крупы, макароны, консервы.

– Тебя как зовут?

– Марина.

– Мариночка, у тебя есть что-нибудь к чаю?

Девочка стала выкладывать на прилавок нехитрый ассортимент сельмага: жевательные конфеты, пакет с печеньем, большей частью выпавшим в осадок, пачку подтаявшей халвы, две подозрительные плитки местного шоколада, упаковку сушек с маком.

– Не густо.

– Есть еще мед с пасеки, разливной.

– Вот, это давай, – обрадовалась Марта. – Банка есть?

Девочка очень старалась выглядеть деловито, по-взрослому. Она достала несколько стеклянных банок на выбор, с трудом подняла с пола десятилитровое пластиковое ведро.

– Мариночка, а твоя семья на хуторе давно живет?

– Уже пятнадцать лет, я здесь родилась. Мои родители приехали с Ростова. У нас там бабушка.

– Ага, понятно, – задумчиво произнесла Марта, – а ты знаешь, кто здесь всегда жил?

– Знаю. Тетя Люся, соседка наша. Еще Поливановы...

– Подскажешь, где они живут?

К вечеру солнце растеряло все свое тепло, и Марта захватила из машины куртку, в которой прилетела, и они направились к тете Люсе.

Еще в самолете они с Пашей договорились представляться журналистами, чтобы объяснить свой интерес к детству знаменитости. Ведь на хуторе могли и не знать, что Светланы Денисовой больше нет в живых. По придуманной легенде, они представляли молодежный журнал «Рашн старз».

С первого взгляда было понятно, тетя Люся тертый калач. Она совсем не удивилась их приходу, словно каждый день хутор Солёный посещают представители центральных СМИ, обычное дело. Ее аккуратный домик, сложенный из ракушечника, был весь увит виноградом, в тени которого было приятно посидеть за чашкой чая знойным летом. По тому, с каким хладнокровием эта медноволосая Валькирия рубит один кочан капусты за другим, стало ясно: с ней будет непросто. На пафосное представление псевдожурналистов она не купилась, сказав:

– Тю! Шо, в столице враки закончились, вы к нам прибыли за новыми?

– Ну почему же... – попытался возразить Гафер.

– Для того, чтобы врать, можно не вставать с дивана, – пришла ему на помощь Марта. – Нам нужна правда.

Тетка оценивающим взглядом окинула Марту сверху донизу, словно измеряя ее рост, и только потом бросила на стол свой угрожающего вида кухонный нож. Когда она взяла в руки трехлитровую банку со странным содержимым, Павел вопросительно посмотрел на спутницу, та улыбнулась – она знала, что это такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.